

«Брянский родник» 16 апр. 1975

КОНСТАНТИН Алексеевич Вологдин не принадлежит к числу тех, кому удалось определить свой жизненный путь, свою профессию задолго до окончания школы. Нет, о театре он подумал не сразу. Но когда признанный школьный музыкант и весельчак заявил о своем решении поступать в театральный институт, этому не удивились. Паренек с берегов Волги (он родом из Куйбышева) отправился в Ленинград.

В 1940 году курс в театральном институте набирал ученик Станиславского, известный театральный деятель и педагог Сушкевич. Константин Вологдин был в числе тех, кто на вступительных экзаменах по актерскому мастерству получил оценку «отлично».

Начались занятия. Сушкевич не учил своих студентов тому, как играть ревность или страх, как плакать или смеяться на сцене. Он воспитывал их творчески, растил в душах высокие критерии сценической правды, тренировал внимание, остроту реакции. Год занятий пролетел незаметно, но расписание репетиций было сурово и властно перечеркнуто войной. Стал солдатом и студент Вологдин. Пехотинец, автоматчик, шофер, он участвовал в прорыве Ленинградской блокады, освобождал Венгрию. Демобилизовался лишь в 1946 году.

Сердце замирало, когда вновь поднимался по беломраморной институтской лестнице, стараясь не греметь сапогами, только солдатские его медали тонко звенели в такт шагам. Сушкевича уже не было в живых, и заканчивать институт пришлось под руководством другого педагога. В 1949 году шестнадцать выпускников Ленинградского театрального института, в том числе и Вологдин, получают направление на работу в Брянский облдрамтеатр.

Сезон того года театр открывал в восстановленном и реконструированном здании, с обновленной труппой. Сезон открывался спектаклем «Губернатор провинции». Пьеса эта в репертуар театров сейчас не включается, но, должно быть, читатели вспомнят фильм «Встреча на Эльбе», поставленный по ее мотивам. Вспомните и сержанта Егоркина, бывалого воина, жизнерадостного, находчивого человека, с юмором и хитринкой. Одним словом, интересная роль. И дебют был удачным. Егоркин — Вологдин завоевал симпатии брянского зрителя, успех молодого актера отмечала газета.

Обстановка дружелюбия, установившаяся в театре, помогла творческому возмужанию актера. Вслед за Егоркиным был некий Сидоров («Кто виноват?»). В этой роли Вологдин блеснул иной гранью своего дарования. Уже первое появление его на сцене заставило зрительный зал буквально взрываться от смеха — такой острой была внешняя характеристика персонажа. Заявив о своем герое так формально, актер, однако, не сбивался на буффонаду, а скрупулезно анализировал внутренний мир, социальную сущность невежды и бюрократа, делая эту фигуру не только смешной.

Молодой еще человек, начинающий актер, Вологдин быстро проходил естественную после института стадию до-

учивания. Актером, как известно, становятся не в институте, а в театре. Помогали ветераны сцены, режиссер Эрин, первым и исключительно требовательным «рецензентом» работ Константина Алексеевича стала его жена Татьяна Ефимовна Силина. За три сезона было сыграно им на сцене Брянского театра семнадцать ролей: Шмага («Без вины виноватые»), Робинзон («Бесприданница»), Бальзамин («Женитьба Бальзаминова»), Петр («Лес») в пьесах Островского, Осип в гоголевском «Ревизоре», роли в пьесах советских драматургов. При всем этом разнообразии ролей уже очерчивается определенная генеральная линия: Вологдин приближается к своей теме в искусстве. Ему симпатичен «маленький человек», несущий людям добро, а любимым («своим») драматургом становится Островский. В те годы вообще чаще обращались к драматургии Островского, и внимание к замечательному творческому его наследию не связывалось с какими-либо юбилеями.

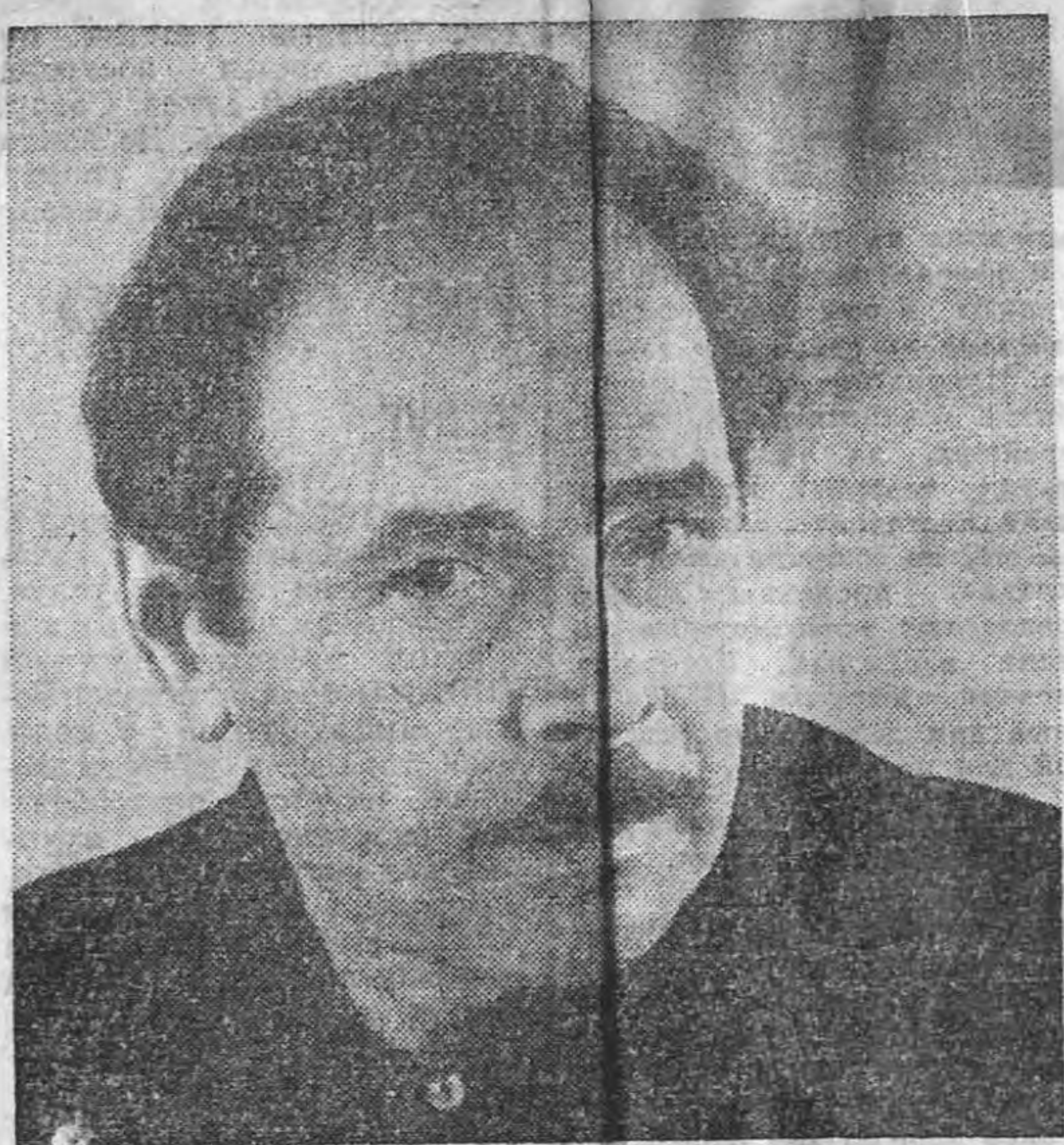
Театр—творец коллективный,

Э Ф Ф Е К Т ПРОСТОТЫ

и здесь непросто сохранить свою приверженность к одной теме. Выбор репертуара, распределение ролей диктуется общей творческой конъюнктурой труппы. Тему доброго человека Константин Алексеевич ведет в своем творчестве пусть не всегда линией непрерывной, но настойчиво и любовно. Не изменил он своей теме и в Свердловском театре, куда был приглашен в 1952 году. Десять лет проработал Вологдин в этом замечательном городе. Интересное это было время. Театр разрешал актерам проявлять себя и в других сферах. Будучи занятым в таких спектаклях, как «Три сестры» Чехова, «На бойком месте» Островского, «Холостяк» Тургенева, «Верю в тебя» Коростелева, Константин Алексеевич снялся в двух фильмах, созданных на Свердловской киностудии, — «Тайна зеленого бора» и «Очередной рейс», работал на эстраде как чтец, выступал перед детьми. Программа, подготовленная для конкурса «чеховских» чтецов, принесла ему первое место в Свердловске. Это было время позмужания актерского мастерства.

Случилось так, что надо было переехать в среднерусскую полосу. И, конечно же, вспомнился тот самый Брянский театр, с которого так удачно и радостно начиналась актерская биография. С 1962 года Константин Алексеевич Вологдин и Татьяна Ефимовна Силина вновь в труппе нашего театра. Сейчас оба они заслуженные артисты республики, их имена — на афишах сегодняшних спектаклей, а зрительская память лучше любого, пусть самого подробного, архива.

Помните капитана Бернардо в «Хитроумной влюбленной» Лопе де Вега? Этот старый ревнивец просто уморителен.

тельствует о смелости и точности замысла. Но не только об этом: так надо еще и суметь сыграть, суметь донести замыслы до зрительного зала.

Да, Вологдин — зрелый актер, свободно владеющий сценической техникой. Именно об этом думалось на спектакле «Горячее сердце», в котором Вологдин—Градобоев встретился с народным артистом СССР А. Грибовым. Было радостно видеть, что наш брянский актер, быстро преодолев такое понятное для этой ситуации смущение перед маститым партнером, работал рядом с ним уверенно.

За двадцать пять лет сценической деятельности Вологдиным создано около ста пятидесяти ролей. Каждая ли из них прожита «вполне и целостно», как говорил А. Н. Островский? Должно быть, нет, но общий добротный уровень работы артиста очевиден. Застрахован ли от неудач опытный актер? Еще раз придется сказать: нет. Совсем недавно Константин Алексеевич огорчил нас всех неудачной работой в спектакле «Господин бургомистр». Бытовые краски образа затухали, внутренний смысл, образ лишился пружинки. Работа эта Вологдиным оценивается самокритично, и в этом весь Константин Алексеевич—человек строгий и принципиальный в оценках по отношению и к себе, и к товарищам.

Он вообще склонен больше говорить о том, что впереди, а не о законченных работах. Ему, например, хочется сыграть роль Шадрина в пьесе Погодина «Человек с ружьем». И я верю, что это был бы (или будет?) интересный Шадрин, ибо есть силы, есть опыт, есть много любви к людям, согревающей этот добрый и приветливый талант, о котором рецензент вильнюсской газеты написал: «Особый эффект естественности и простоты».

М. ДОЗОРЦЕВ,
режиссер Брянского
телевидения.

На снимке: заслуженный артист РСФСР К. А. Вологдин.

Фото И. Мелещенко.

Его немощ так несовместима с притязаниями, что становится и жалкой, и смешной. А Вологдин вроде бы и не старался его сделать таким, работал «на полном серьезе»... Или Долотов во «Временном жилье»: вроде бы только глуповат, но актер, не теряя чувств, меры, разоблачает лицемера и ханжу, обнажает мурло мещанина и хищника. И рядом с этим потребителем — мягкий, деликатный человек, исполненный внутренней щедрости Новосельцев из «Служивцев». Эта роль выполнена актером очень лирично, мягко. Снова контраст: штандартенфюрер Вернер фон Кляйвист в спектакле «Неделя из жизни разведчика». В этой работе К. Вологдин на необычном для себя ролевом материале показал умение быть страшным.

Давайте вспомним сейчас и дон Феличе из комедии Эдуардо Карпетты «Дом сумасшедших». Вот что об этой работе Константина Алексеевича написала наша газета: «Можно сказать, что эта трудная физически и психологически роль проведена на легком дыхании. Дон Феличе — самое пластическое в спектакле сочетание смешного и грустного, трогательного и отталкивающего. Актеру, играющему эту роль, было бы легче изобразить эталонного скупого выродка. Герой Вологдина — существо, скорее, обаятельное, добродушное, беспомощное. И тем яснее сознаешь, что отвратительные качества, присущие ему, — действительная скупость, глупость и корыстолюбие — вовсе не его свойство, они воспитаны в нем существующим строем, средой». Такая философская, остросоциальная трактовка роли, в которой эффектнее, казалось бы, пойти по линии внешней броскости, свиде-